

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 271.2(09)(470.22)+902(470.22) DOI 10.25986/IRI.2024.97.3.012

С. И. Кочкуркина

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия. svetlana.kochkurkina@mail.ru*

М. И. Петрова

Куркиёвский краеведческий центр, Республика Карелия, Россия. kirjzh@mail.ru

КРЕЩЕНИЕ КАРЕЛОВ.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье сопоставлены исторические источники о крещении карелов и распространении христианства в Карелии с результатами анализа археологических артефактов с христианской символикой.

Ключевые слова: Карелия, Северо-Западное Приладожье, Карельский перешеек, археологические артефакты с христианской символикой, крещение карелов, история православия в Карелии

Статья подготовлена в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

«В лето 6735... Того же лета князь Ярослав Всеволодич, послав, крести множество Корел, мало не все люди»¹.

В 20-е гг. XIII в. началась вторая волна шведской экспансии, затронувшая зависимые от Новгородского государства области центральной Финляндии, Водскую и Ижорскую земли. Следовало нейтрализовать шведское влияние, приостановить распространявшийся с запада на приграничные новгородские земли католицизм. Во главе новгородской внешней политики в ходе этих событий выступал князь Ярослав Всеволодович. Ареной борьбы Руси и Швеции в 20–30-е гг. XIII в. стала Центральная Финляндия, земли еми (Тавастланд). В середине 20-х гг. XIII в. происходит временное отпадение значительной части земли еми от Новгорода. Князь Ярослав Всеволодович с дружиной в зимнем походе 1226/1227 г. прошел через всю землю еми. Лаврентьевская летопись под 1226 г. дает развернутое описание похода: «Тое же зимы Ярослав, сын Всеволож, ходи из Новогграда за море на Емь, где же ни един от князь Руских не возможе бывати, и всю землю их плени, и возвратися Новугороду, славя и хваля Бога...»². То же описание сокращенно дается в Новгородской первой летописи³. После похода на емь

¹ ПСРА. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 449.

² Там же.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 65, 270.

в 1227 г. князь Ярослав крестил корелю. Основной политической целью акции крещения корелы стало закрепление доминирования Новгорода на территориях, прилегающих к земле еми, чтобы оградить эти области от проникновения шведского влияния. Противостояние продолжалось. В 1228 г. большой отряд еми (2 тысячи воинов) нападает на русские приладожские села. Нашествие было отражено ладожанами, карелами и ижорой [Шаскольский, с. 129–139]. Дальнейшие события показали, что такой способ решения территориальных споров в то время был необходим и оправдан. Согласно Ореховецкому мирному договору 1323 г., территория трех погостов в западной части Корелы, попавших под власть католицизма, шведских порядков и законов, была отторгнута от восточной, новгородской. Различно сложились и их судьбы. Основная часть Корелы, тесно связанная с Новгородом экономическими, политическими и культурными узами, осталась под его властью.

Из краткого летописного сообщения непонятно многое: кто осуществлял крещение, каким образом оно происходило. Ясно, что крещение древних карелов диктовалось обостренной политической и военной ситуацией на северо-западных границах Руси в XIII в. [Кочуркина, 2017, с. 68–69]. Финляндский историк Х. Киркинен в монографии «Карелия в кругу восточной культуры» отмечает, что насильственная христианизация была чужда новгородской политике. Скорее всего, крещение карелов с новгородской стороны проводилось путем единовременной, но мирной миссионерской деятельности [Kirkinen, s. 73–74].

Датский исследователь Д. Линд и некоторые зарубежные исследователи подвергли критике достоверность сообщений о крещении корелы Лаврентьевской летописи, создававшейся, по их мнению, в географически отдаленной Ростово-Суздальской земле, по той причине, что новгородские летописи об этом событии не говорят [Lind]. Но с этими доводами трудно согласиться. Логике исторических процессов того времени акция по крещению карелов не противоречит. Тот факт, что сообщение появилось именно в ростово-суздальской Лаврентьевской летописи, объясняется тем, что приглашенный на новгородское княжение Ярослав Всеволодович оставался князем и на своей отчине в Переяславле-Залесском. После похода с новгородцами на емь Ярослав возвращается в Переяславль-Залесский, оставляя на новгородском престоле своих сыновей Феодора и Александра [Янин, с. 195–196].

Исторические материалы опубликованы и многократно освещались в научной литературе. Они немногочисленны и до некоторой степени тенденциозны. Археологические артефакты, собранные в результате многолетних раскопок на территории, заселенной в Средневековье карелами, являются объективным источником при раскрытии сформулированной темы.

В археологических материалах XIII–XIV вв. предметы религиозного культа редки. Анализ историко-археологических данных корелы позволяет заключить, что рядовая часть населения, вероятно, не сразу изменила свои религиозные представления. Свидетельством тому служит также датируемая серединой XIII в. берестяная грамота с языческим заклинанием, молитвой на древнекарельском языке [Арциховский, Борковский, с. 120]. Новгородские архиепископы Макарий (1534 г.)⁴ и Феодосий (1543 и 1548 гг.)⁵ были обеспокоены стойким сохранением языческих обрядов у карелов, ижоры и чуди. В середине XVI в. финляндский епископ

⁴ Грамота новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину об искоренении языческих требищ и обрядов и проч. 25 марта 1534 г. (см.: Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I. № 28. С. 27–30); Послание архиепископа Макария великому князю Ивану Васильевичу, 1534 г. (см.: Псковская первая летопись М.; Л., 1941. С. 141–142).

⁵ Грамота новгородского архиепископа Феодосия в Корелу, об отправлении в установленное время молебнов и крестных ходов. 15 января 1543 г.; Грамота новгородского архиепископа Феодосия в Водскую пятину о разрушении мольбищ и искоренении языческих обрядов. 8 июня 1548 г. (см.: Дополнение к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I. № 32. С. 33–34; № 43. С. 57–60).

М. Ч Агрикола в предисловии к финскому переводу Псалтыри укоряет финнов и карелов за их пристрастия к языческим обрядам, верованиям и культам⁶.

В борьбе христианства и язычества находились совместные формы существования и приспособляемости, особенно хорошо отразившиеся в фольклорно-эпических произведениях. Исследователями отмечено сочетание языческих и христианских элементов, изменение калевальской эпической традиции под влиянием христианства и, как следствие, появление самостоятельных фольклорных жанров с усложненным христианско-языческим мировоззрением и новыми, в какой-то степени атеистическими народными героями.

В отечественной науке вопросы язычества Древней Руси фундаментально исследовались Б. А. Рыбаковым [Рыбаков, с. 455–782]. Исследователь отметил высокий уровень языческих представлений, их проявление в общественной и повседневной жизни, в прикладном искусстве, фольклоре. Б. А. Рыбаковым введен в научный оборот термин «двоеверие». Но с этим термином трудно согласиться, так как речь идет не о двух верах, но о синкретизме разнородных верований и культовых положений.

Российский историк и археолог А. Е. Мусин вполне аргументированно предложил использовать археологические данные для изучения процессов христианизации в Карелии. Исследователем было подчеркнуто, что для каждого региона по многим причинам, а главное, в зависимости от удаленности от городских центров были характерны свои особенности процесса христианизации. На территории современной Карелии он выделил следующие области: Регион А – Северо-Западное Приладожье, территорию летописной корелы; Регион Б – Восточное Приладожье и Среднее Посвирье; Регион В – Прионежье; Регион Г – Поморье [Мусин]. Археологические материалы, полученные в последние десятилетия, раскрывают детали становления народного православия.

По представлениям племени корела, умерший, отправляясь в потусторонний мир, менял только свое жилище. И погребальные обряды соответствовали этим представлениям. Уместно привести наблюдения этнографов относительно северокарельских кладбищ с «домами для мертвых», которые, при некоторых различиях, что вполне естественно, обнаруживают большое сходство с древнекарельскими. Это были срубы, напоминающие внешним видом постройки карелов, с двускатной крышей и окошечком в головах, чтобы покойный мог наблюдать за делами живых. К коньку крыши прикрепляли резной деревянный столбик, который тоже имитировал двускатную крышу. Часто под одним срубом находились могилы нескольких близких родственников.

Четко выраженный культ предков зафиксирован и в поминальных обрядах. Они, по-видимому, совершались у могилы, поэтому между расколотыми камнями, перекрывавшими погребение, встречаются фрагменты глиняных сосудов, кости животных, угли и пепел. Приносились в жертву лошадь или собака, овца или корова. Остатки таких пиршеств, кости от съеденных животных и птиц складывались в посуду и ставились около могилы. В мужских и женских погребениях присутствовал разнообразный инвентарь, которым пользовались в повседневной жизни.

Финляндская исследовательница П. Пурхонен впервые рассмотрела вопросы религии на археологическом материале [Purhonen]. Однако выявление конкретных археологических предметов в качестве христианских символов и мотивов, как и использование археологического материала в целом при освещении вопросов религии, требует научного обоснования. К примеру, могут ли носимые на шее подвески в виде креста быть христианскими символами? Исследовательница сама признаёт, что найденные на территории Финляндии подвески были

⁶ Agrikola M. Mikael Agricolan teokset. Porvoo, 1931. Т. 3. С. 149; [Кочкуркина, 2017, с. 245–246].

либо скандинавскими, либо восточно-балтийскими или новгородскими. Ранние христианские импульсы, по ее мнению, появились в Западной Финляндии со стороны Скандинавии. Что касается христианских импульсов из Восточной Балтии еще в эпоху викингов, то предположение исследовательницы было почти сразу раскритиковано ее соотечественником Ю. Луото, так как в эпоху викингов народы южного побережья Балтии еще оставались язычниками [Luoto]. П.<Пурхонен считает, что западные христианские погребения в районе Турку появляются в XII в., хотя языческие могильники с большим количеством погребального инвентаря еще продолжали существовать. В этой связи интересны топонимы, связанные с православным влиянием: г. Турку (от русского «торг») и Пааскунта (от русского «погост»), названные, видимо, купцами-христианами из Новгорода. На юге центральной части Финляндии, на территории Хяме, согласно П. Пурхонен, христианство было внедрено силой во время так называемого Второго крестового похода, то есть около середины XIII в. На побережье Ботнического залива, в долине р. Кеми, отмечены православные личные имена в названии хуторов и объектов ландшафта, а также такие названия, как *sääsinä* (часовня), *manasteri* (монастырь). Ряд церковно-религиозных терминов финского языка оказался заимствованным из древнерусского: *pappi* (священник), *ramattu* (библия), *risti* (крест), *pakana* (язычник) [Шаскольский, с. 25–26].

Что касается Восточной Финляндии, то на таких кладбищах, как Миккели – Тууккала – Висулахти, датирующихся XII–XIV вв., большинство погребений сопровождалось обильным инвентарем, далеким от христианской обрядности. В могильнике Каускила (XIV–XVI вв.), где обнаружено несколько языческих погребений, основная масса представлена поздними христианскими захоронениями. Позже на нем была сооружена часовня. По всей вероятности, эти материалы свидетельствуют о сходной ситуации с христианизацией как в Северо-Западном Приладжье, так и в приграничных с Карелией районах Финляндии.

В XIV в. влияние христианства было значительным, хотя в массе своей древние карелы оставались еще язычниками. В 2006–2008 гг. произведены раскопки весьма редкого, уникального для этой части Приладжья могильника Кюлялахти-Калмистомяки. Выявлены надмогильные овальной формы сооружения из крупных валунов, ориентированные, с некоторыми отклонениями, по линии запад – восток. Умершие погребены по обряду труположения, на спине, головой на юго-запад, большей частью в деревянных могильных сооружениях. Сопровождающий погребения многообразный инвентарь датирует памятник концом XIII – первой половиной XV в. [Бельский, с. 192–196].

Подвески в виде крестов обнаружены в погребениях Карельского перешейка, Северо-Западного Приладжья и Восточной Финляндии (Рис. 1). В трех мужских погребениях могильника Кекомьяки в шейных украшениях присутствовали крестовидные подвески – равноконечные, с рельефным орнаментом на лицевой стороне, с расширенными концами, украшенными тремя выпуклыми дисками (Рис. 2, № 1). Такие изделия встречены на обширной территории, особенно часты они на памятниках Северо-Запада и Северо-Востока Руси, Северной Европы и Прибалтики, где датируются XI–XII вв. [Кочуркина, 1982, с. 84–86]. В мужском погребении Суотниemi в деревянной коробке найдена серебряная шейная цепь, скрученная из нескольких тонких нитей, заканчивающаяся полыми позолоченными звериными головами. Через последнее проходит кольцо с серебряными бусинами и тремя орнаментированными крестами, украшенными чернью и зеленой эмалью (Рис. 2, № 2–4). Цепи с аналогичными головами известны на Готланде вкладах XI в. [Stenberger, s. 106–109, 185, 239–241]. Из детского захоронения Сяппяйс (пол не установлен) происходит бронзовый крестик (Рис. 2, № 5), который можно сравнить с крестом XIII в. из Новгорода [Седова, с. 236, рис. 4, 18]. Ажурная крестообразная подвеска обнаружена в женском погребении Тууккала (Рис. 2, № 9). Положение ее относи-

тельно костяка неизвестно. Э. С. Мугуревич считает изделие либо латвийским продуктом, либо подражанием ему [Мугуревич, с. 64, рис. 8, 14]. Соглашаясь с частным выводом, А.-Л. Хирвилуото делает более широкие обобщения, согласно которым славянско-византийский материал в виде крестов пришел в Финляндию по Даугаве и днепровскому пути [Hirviluoto, s. 17–23]. Однако это, видимо, не единственный маршрут. Все-таки главными пунктами, с которыми изделия были связаны, остаются Новгород и Корельская земля. Именно через них, а не через Латвию попали кресты в лапландские памятники [Serning, s. 109].

Ажурные крестики с растительным орнаментом встречены в трех захоронениях: Леппясенмяки, Ховинсаари и Кекомаки (Рис. 2, № 6, 7) [Кочкуркина, 1981, с. 150, табл. 21, 3]. В первом пол умершего не установлен, второе определено мужское, в третьем подвеска находилась между двумя женскими погребениями, но ее принадлежность мужскому захоронению не исключена. К. А. Нордман эти изделия считал продуктом северного, в самом широком смысле, производства [Nordman, s. 225]. Но они известны и в Западной Латвии, где датируются XII – началом XIII в. [Мугуревич, с. 64, рис. 8, 11].

Тесным связям с Русью обязана своим появлением на Карельском перешейке фибула с гравированным узором, получившим в отечественной литературе название «процветший крест» (Саккола, Сипилянмяки) (Рис. 3, № 4). На хуторе в 1935 г. был выкопан клад серебряных вещей. Предметы, помещенные, видимо, в глиняный сосуд, лежали «на глубине борозды». Вещи: скрученная из нитей крупная застежка для головного платка (игла со спиральной головкой утеряна), фрагменты двойных цепей из тонких нитей с полыми концами, четыре бусины, две круглые пластинчатые подвески, два орнаментированных медальона, карельская подковообразная пластинчатая фибула. Аналогичное изделие выявлено на территории Финляндии в Настола [Кочкуркина, 1981, с. 117; Nordman].

Процветший крест – это форма креста, украшенного стилизованными извивающимися линиями, отростками, имитирующими ветви, лозы и цветы. Встречаются и кресты, частью декора которых является натуралистичное изображение произрастающих из них растений. Процветшие кресты в разных вариантах своего изображения – от предельно условного до натуралистичного – встречаются в христианском искусстве едва ли не всех стран и эпох. В отечественном искусстве, в том числе в мелкой пластике, процветший крест появился с первых времен христианства на Руси. Его изображение можно увидеть и в убранстве храмов [Кочкуркина, 1982, с. 97].

В Хийтола (Кильпола) под камнем выявлен клад серебряных вещей подковообразная фибула карельского типа, сюкерё, фрагмент цепи, круглая подвеска с крестовидным рисунком и декором в виде листьев (Рис. 3, № 1). Последнее изделие использовалось в качестве застежки (следы напайки в месте прикрепления иглы), хотя в верхней части имеется бочонкообразное, с тройным хребтом ушко. Процветший крест широко известен на украшениях из памятников древнерусского населения. Однако фибула из клада Хийтола, как и экземпляр из Швеции, существенным образом отличается от изделий из русских кладов не только функциональным назначением, но и особенностями декора (неидентичные изображения креста из-за непонимания принципов его воспроизведения), неумелой грубой техникой гравировки. На вопрос, насколько синхронны древнерусские изделия и их подражания, в связи с малочисленностью древнекарельских экземпляров однозначно ответить нельзя. Учитывая взаимоотношения новгородской Карелии с Великим Новгородом, постоянные и разноплановые связи как внешнеполитического, так и внутреннего характера, можно говорить о незначительной разнице во времени. Нет ничего удивительного в том, что продукция новгородских ремесленников, изготавливаемая для

внутреннего рынка, довольно быстро попадала к потребителю [Кочкуркина, 1981, с. 155, табл. 26, рис. 10; Кочкуркина, 1982, с. 97–98].

В уцелевшей части могильника Патъя (оз. Суванто) финляндские археологи исследовали свыше 30 разновременных погребений (с учетом выявленных черепов). На груди умершего (в могиле 23-й умерший ориентирован на юго-запад) вместе с кусочками шерстяной ткани лежала бронзовая иконка с прямым нижним краем и дугообразным верхом, имевшим многогранную головку для шнура (Рис. 3, № 2). В центре иконки – барельеф Иисуса Христа со спиральным нимбом. В левой Его руке – книга, правая поднята для благословения; над правым плечом – ИС, над левым – ХС. Э. Кивикоски датирует изделие временем не позднее XIII в. и связывает его появление с известным походом князя Ярослава Всеволодовича в 1227 г. Данная находка близка к шиферной иконке с закругленным верхом и расходящимися к основанию боковыми сторонами первой половины XIV в. из собрания Троице-Сергиевой лавры [Кочкуркина, 1981, с. 89; 142, табл. 13, рис. 6; Кочкуркина, 1982, с. 85; Николаева, рис. 29; Kivikoski, Abb. 1148].

В женском погребении Кекомьяки, 6 (ориентировано на север с некоторым отклонением к западу) обнаружены серебряный позолоченный медальон с изображением Божией Матери Оранты (Рис. 3, № 3), а также парные овальновыпуклые фибулы, между которыми находилась пластинчатая подковообразная застежка карельского типа; Ф-образные пронизки с кожаным шнуром; ажурные держатели цепей и другие ювелирные изделия. К. А. Нордман и В. Антонец признавали непосредственное влияние древнерусского сакрального искусства XII–XIII вв., в частности, на орнаментику и на возникновение древнекарельского украшения в целом, изготовленного, по их мнению, в это же время в одном из ювелирных центров севера Древней Руси [Кочкуркина, 1982, с. 97–98; 151, табл. 22, рис. 4].

По археологическим материалам городище Терву (Куркиеки) можно датировать XIII–XIV вв. Из собранных предметов выделяются три, относящиеся в более позднему времени, чем основная коллекция [Кочкуркина, 2010, с. 104, 107; 203, табл. 34, рис. 5; с. 205, табл. 37, рис. 1–3]. Прямоугольная иконка без оглавия с ушком. На лицевой стороне два святых и два ангела, оборотная сторона гладкая (Рис. 4, № 1). Иконка двухсторонняя, прямоугольная с полукруглым завершением, с ушком, повреждена. На лицевой стороне два святых и два ангела, на оборотной стороне молящая Богоматерь (Рис. 4, № 2). Оба изделия оловянные. По предварительному заключению такие иконки появились не ранее XVI в. К этой поздней группе предметов, возможно, относится и крестик для четок (Рис. 4, № 3). Пластинка из цветного металла с круглыми и продолговатыми отверстиями (длина – 4,6 см, ширина – 1,6 см), возможно, является звеном цепи от паникадила (Рис. 4, № 4).

На городище Паасо (Сортавала) найден обломок янтарного четырехконечного крестальника с равномерно расширяющимися лопастями, аналогичен многочисленным изделиям Северо-Запада Руси, датирующимся XII–XIV вв. (Рис. 4, № 5) [Кирпичников, с. 62; Кочкуркина, 1981, с. 82; 137, табл. 9, рис. 28; Кочкуркина, 2010, с. 122; 220, табл. 57, рис. 14].

Как видно из предложенного обзора, предметов христианского культа немного. Те же изделия, которые можно назвать таковыми, строго говоря, не были предметами личного благочестия. Примеры долгого сохранения некоторых деталей языческой погребальной обрядности наблюдались при раскопках Олонецкой крепости, военного и административного центра в составе централизованного Русского государства [Кочкуркина, 2022, с. 85].

Таким образом, материалы данной статьи о крещении карелов свидетельствуют об общей мировой тенденции: у всех народов, воспринявших христианство, сохранялись некоторые языческие верования. Рядовая часть населения не сразу изменила свои религиозные верования. Отдельные предметы материальной культуры с христианской символикой, вероятно, встреча-

лись у представителей родовой элиты или были привнесены христианскими миссионерами. Становление православных погостов и церковное строительство прослеживаются по письменным источникам с XIV в.

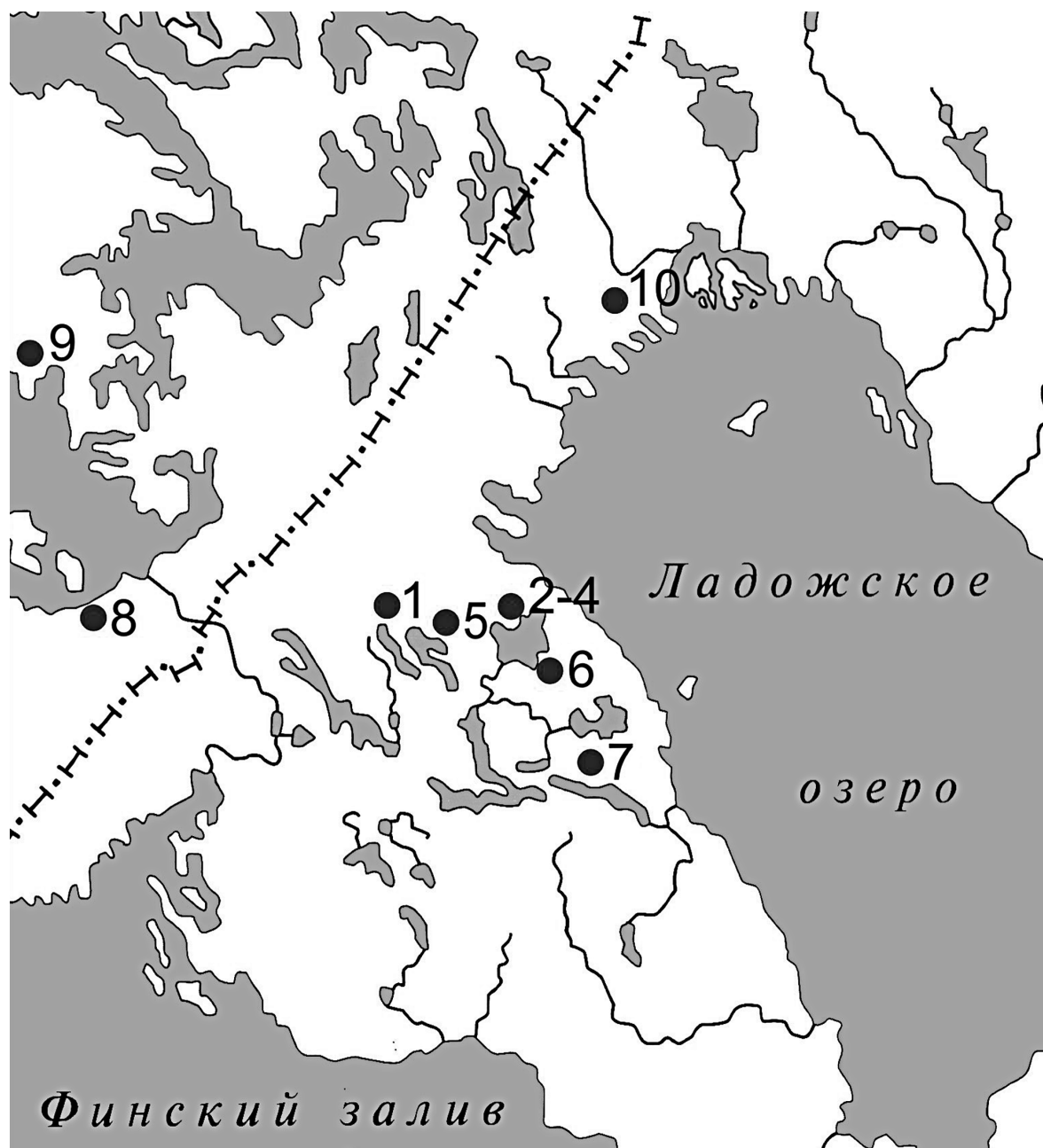

Рис. 1. Ареал крестовидных подвесок: 1–7. Карельский перешеек; 8–9. Восточная Финляндия; 10. Сортавала. Городище Паасо

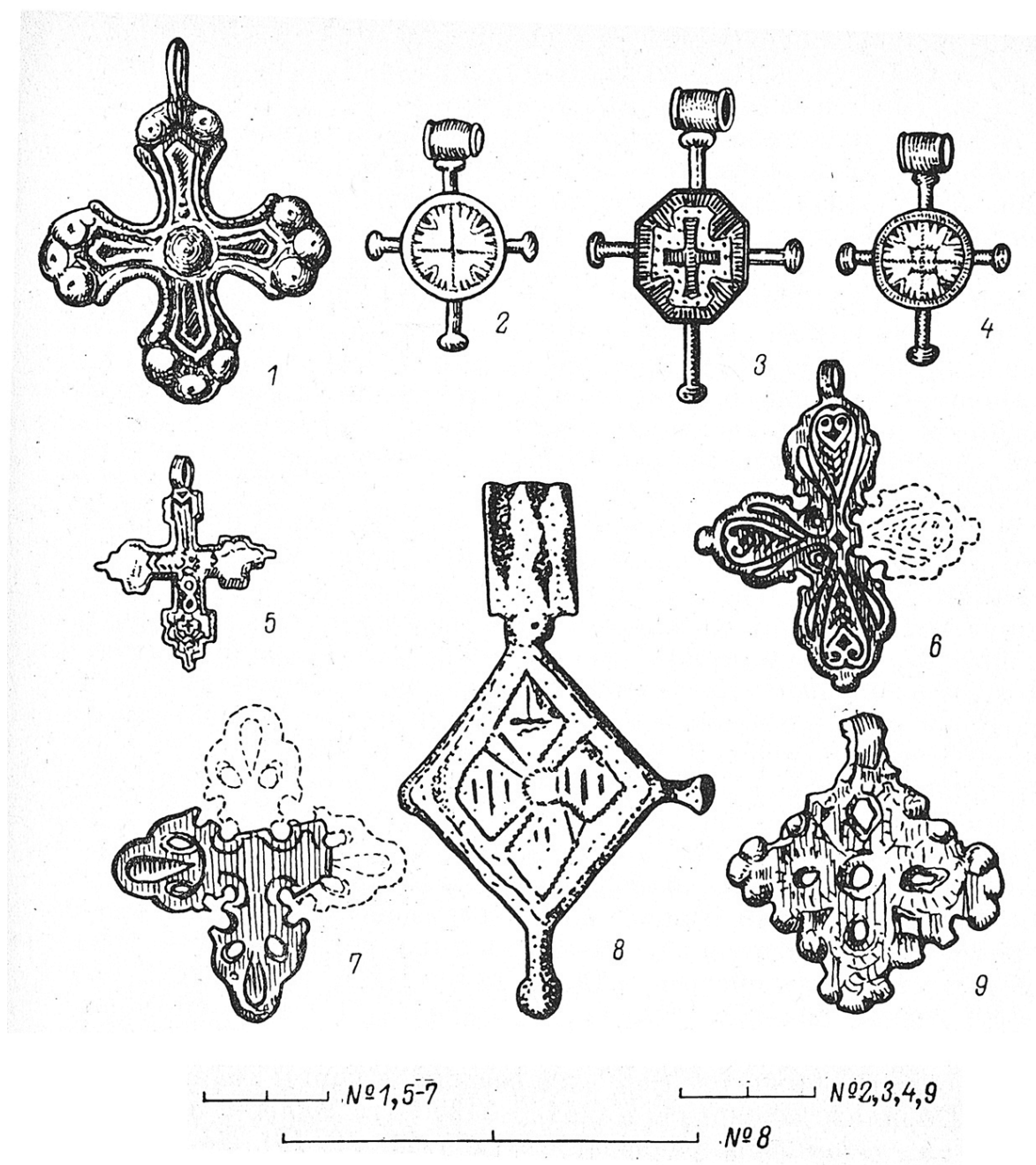

Рис. 2. Крестовидные подвески: 1. Кекомьяки; 2-4. Суотниеми; 5. Сяппяйс;
6. Лептясенмяки; 7. Ховинсаари; 8. Каускила; 9. Тууккала

Рис. 3. Ювелирные изделия с христианской символикой: 1. Фибула (Хийтола, Кильпола); 2. Иконка (Суванто, Патъя); 3. Медальон (Кекомьяки, Мог); 4. Фибула (Саккола, Сипилянмяки)

Рис. 4. Артефакты, найденные на городищах: 1. Иконка; 2. Иконка; 3. Крестик; 4. Звено цепи от паникадила (1–4. Куркиеки, Терву-Линнасаари); 5. Крестик (Сортавала, Паасо)

Литература

- Арсиховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. 328 с.
- Бельский С. В. Моги́льник Кюлолахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье. (Археологические исследования 2005–2009 годов). СПб., 2012. (Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 3). 239 с.
- Кириичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне = Suomalais-ugrilaiset ja slaavilaiset. Доклады Первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 15–17 ноября 1976 г. Л., 1979. С. 52–73.
- Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы, V–XV вв. Л., 1981. 160 с.
- Кочуркина С. И. Древняя корела. Л., 1982. 216 с.
- Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск; СПб., 2010. 264 с.
- Кочуркина С. И. Археология средневековой корелы. Петрозаводск, 2017. 280 с.
- Кочуркина С. И. Олонец. Военный и административный центр в составе Русского централизованного государства // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 81–93. DOI 10.25986/IRI.2022.4.90.006
- Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига, 1965. 145 с.
- Мусин А. Е. Становление православия в Карелии (XII–XVI век) (Историко-археологический аспект) // Рябининские чтения. Материалы международной научной конференции. Петрозаводск, 1997. С. 242–262.
- Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI веков. М., 1968. 47, [126] с.
- Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. 782, [1] с., [2] л. ил.
- Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. 2. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 65). С. 223–261.
- Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на побережье Балтики в XII–XIV вв. Л., 1978. 245 с.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 511 с.
- Hirviluoto A.-L. Ett bysantinskt korssmycke från Haimionmäkii Lundo // Finskt Museum. Helsingfors, 1971. № 77. S. 17–23.
- Kirkinen H. Karjalan idän kultturipiirissä. Helsinki, 1963. 262 s.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. 150 s. 1267 Abb.
- Lind J. Sjögrens Häme-teori og de russiske Krøniker // Historisk Tidskrift för Finland. 1977. Årg. 62. S. 286–323.
- Luoto J. Suomen varhaiskristillisyyden kokonaisesitys // Muinaistutkija. 1999. № 2. S. 53–57.
- Nordman C. A. Smycke fyndet från Sipilänmäki i Sakkola // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki, 1945. № 45. S. 221–237.
- Purhonen P. Kristinuskon saapumisesta Suomeen: uskonto arkeologinen tutkimus. Helsinki, 1998. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki; V. 106). 261 s.
- Serning I. Lapska offerplats fynd järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. Uppsala, 1956. (Acta Lapponica. Vol. 11). 222 s.
- Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund, 1947. Bd 2. Fundbespichreibung und Tafeln. 271 s.

References

- Artsikhovskii, A. V., Borkovskii, V. I. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1956–1957 gg.) [Novgorod Birch Bark Letters (From the Excavations of 1956–1957)]. Moscow, 1963. 328 p.
- Bel'skii, S. V. Mogil'nik Kyulolakhti Kalmistomyaki v Severo-Zapadnom Priladozh'e. (Arkheologicheskie issledovaniya 2005–2009 godov) [The Kyulolakhti Kalmistomaki Burial Ground in the Northwestern Lado-ga Region. (Archaeological Research of 2005–2009)]. Saint Petersburg, 2012. (Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery. Issue 3). 239 p.
- Hirviluoto, A.-L. Ett bysantinskt korssmycke från Haimionmäkii Lundo. In *Finskt Museum*. Helsingfors, 1971. № 77. S. 17–23.
- Kirkinen, H. Karjalan idän kultturipiirissä. Helsinki, 1963. 262 s.

- Kirpichnikov, A. N. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya drevnei Korely ("Korel'skii gorod" XIV v.) [Historical and Archaeological Research of Old Korela ("Korelsky City" of the 14th Century)]. In *Finno-ugry i slavyane = Suomalais-ugrilaiset ja slaavilaiset. Doklady Pervogo sovetsko-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arkheologii*, 15–17 noyabrya 1976 g. Leningrad, 1979. Pp. 52–73.
- Kivikoski, E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. 150 s. 1267 Abb.
- Kochkurkina, S. I. Arkheologicheskie pamyatniki korely, V–XV vv. [Archaeological Sites of Korela, 5th – 15th Centuries]. Leningrad, 1981. 160 p.
- Kochkurkina, S. I. Drevnyaya korela [Old Korela]. Leningrad, 1982. 216 p.
- Kochkurkina, S. I. Drevnekarel'skie gorodishcha epokhi Srednevekov'ya [Old Karelian Settlements of the Middle Ages]. Petrozavodsk; Saint Petersburg, 2010. 264 p.
- Kochkurkina, S. I. Arkheologiya srednevekovoi korely [Archaeology of Medieval Korela]. Petrozavodsk, 2017. 280 p.
- Kochkurkina, S. I. Olonets. Voennyi i administrativnyi tsentr v sostave Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva [Olonets. Military and Administrative Center within the Russian State]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 4 (90). Pp. 81–93. DOI 10.25986/IRI.2022.4.90.006
- Lind, J. Sjögrens Häme-teori og de russiske Krøniker. In *Historisk Tidskrift för Finland*. 1977. Årg. 62. S. 286–323.
- Luoto, J. Suomen varhaiskristillisyyden kokonaisuus. In *Muinaistutkija*. 1999. № 2. S. 53–57.
- Mugurevich, E. S. Vostochnaya Latvija i sosednie zemli v X–XIII vv. Ekonomicheskie svyazi s Rus'yu i drugimi territoriyami. Puti soobshcheniya [Eastern Latvia and Neighboring Lands in the 10th – 13th Centuries. Economic Relations with Rus and Other Territories. Lines of Communication]. Riga, 1965. 145 p.
- Musin, A. E. Stanovlenie pravoslaviya v Karelii (XII–XVI vek) (Istoriko-arkheologicheskii aspekt) [The Formation of Orthodoxy in Karelia (12th – 16th Centuries) (Historical and Archaeological Aspect)]. In *Ryabininskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Petrozavodsk, 1997. Pp. 242–262.
- Nikolaeva, T. V. Drevnerusskaya melkaya plastika XI–XVI vekov [Old Russian Fine Plastic of the 11th – 16th Centuries]. Moscow, 1968. 47, [126] p.
- Nordman, C. A. Smycke fyndet från Sipilänmäki i Sakkola. In *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Helsinki, 1945. № 45. S. 221–237.
- Purhonen, P. Kristinuskon saapumisesta Suomeen: uskonto arkeologinen tutkimus. Helsinki, 1998. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki; V. 106). 261 s.
- Rybakov, B. A. Yazychestvo Drevnei Rusi [Paganism of Old Rus]. Moscow, 1987. 782, [1] p., [2] l. of il.
- Sedova, M. V. Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of Old Novgorod (10th – 15th Centuries)]. In *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*. Moscow, 1959. Vol. 2. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 65). Pp. 223–261.
- Serning, I. Lapska offerplats fynd järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. Uppsala, 1956. (Acta Lapponica. Vol. 11). 222 s.
- Shaskol'skii, I. P. Bor'ba Rusi protiv krestonosnoi agressii na poberezh'e Baltiki v XII–XIV vv. [The Struggle of Rus against Crusading Aggression on the Baltic Coast in the 12th – 14th Centuries]. Leningrad, 1978. 245 p.
- Stenberger, M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund, 1947. Bd 2. Fundbespichreibung und Tafeln. 271 s.
- Yanin, V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod Posadniks]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2003. 511 p.

Svetlana I. Kochkurkina

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Marina I. Petrova

Kurkijoki Local History Center, Republic of Karelia, Russia

BAPTISM OF THE KARELIANS. HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES

The article compares historical sources about the baptism of the Karelians and the spread of Christianity in Karelia with the results of an analysis of archaeological artifacts with Christian symbols.

Keywords: Karelia, North-Western Ladoga Region, Karelian Isthmus, archaeological artifacts with Christian symbols, baptism of the Karelians, history of Orthodoxy in Karelia

